

**Дмитрий Сергеевич
Мережковский**

Борис Годунов. Киносценарий

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-2
ББК 84-6

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Борис Годунов. Киносценарий / Дмитрий Сергеевич Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 70 с.

ISBN 978-5-458-04364-9

Д.С.Мережковский хорошо известен современному читателю как философ, литературный критик, писатель, поэт, но наследие Мережковского-драматурга долгие годы оставалось практически не изученным и почти не публиковалось.

ISBN 978-5-458-04364-9

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
БОРИС ГОДУНОВ
киносценарий
СЦЕНЫ I–XVI

I. ПРОЛОГ

Экран светлеет.

Руки Пимена, развивающие свиток, на котором написано: «В 1598 году со смертью царя Феодора,¹ сына Иоанна Грозного,² древняя династия русских царей пресеклась. Феодор был бездетен, а его младший брат, царевич Дмитрий,³ который должен был ему наследовать, загадочно погиб еще при жизни Феодора от руки убийцы.

Россия осталась без царя. По обычаю страны народ должен был избрать нового. Было решено предложить власть любимцу Иоанна Грозного шурину царя Феодора — боярину Борису Годунову».⁴

Экран медленно темнеет.

Яркий летний день. Но будет гроза. На холме, с которого открывается вид на всю Москву, всадник на черном коне, князь Василий Шуйский⁵ С ним несколько приставов, тоже на черных конях. Конская сбруя звенит и сверкает на солнце. На небе появляются первые грозовые тучи. Тени от них пробегают по городу, пятнами ложатся на Москву-реку. Шуйский подымает голову, смотрит на небо.

Шуйский.

Будет гроза!

Подъезжает князь Воротынский, статный боярин с черной густой бородой и с умными, живыми глазами. Он и сопровождающие его пристава — на белых конях.

Воротынский.

Наряжены мы вместе город ведать.

Шуйский.

Но, кажется, нам не за кем смотреть.

Воротынский.

Москва пуста; вслед за патриархом

К монастырю пошел и весь народ.

Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский.

Чем кончится? Узнать немудрено

Народ еще повоет и поплачет.

Борис еще поморщится немного.

Что пьяница пред чаркою вина.

И наконец по милости своей

Принять венец смиренно согласится...

(Обращаясь к одному из приставов).
Проведай-ка, что слышно —
Согласился ль
Принять венец боярин Годунов?
Пристав, в сопровождении еще двух других, ускакивает.
Воротынский.
Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,⁶
Он, кажется, покинул все мирское.
Что, ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол беззастыйный не войдет?
Что скажешь ты?

Шуйский.
Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.
Воротынский.
Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?
Шуйский.
А кто ж?
Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеяния;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.
Воротынский.
Зачем же ты его не уничтожил?
Шуйский.
Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый.
Воротынский.
Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь несчастного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский.

Перешагнет: Борис не так-то робок!

Воротынский.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский.

Да боле Чем Годунов.

Воротынский.

Ведь в самом деле!

Шуйский.

Что ж!

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать.

Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно; пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский.

Нет, трудно нам тягаться с Годуновым.

Народ отвык в нас видеть древню отрасль...

А вот когда бы чудом, из могилы,
Царевич наш Дмитрий вдруг воскрес...
Шуйский (махает рукой).

Эх, полно, князь! Что попусту болтать.

Во гробе спит Дмитрий и не встанет.

Не нам с тобою мертвых воскрешать.

Пристава возвращаются с двух концов.

Воротынский.

Ну, что? Узнал?

Пристава.

Он — царь! Он согласился!

Шуйский.

Какая честь для нас, для всей Руси!

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,⁷

Зять палача и сам в душе палач.

Венец возьмет и бар мы Мономаха!

Сильный удар грома. Шуйский и Воротынский снимают шапки
и крестятся.

II. СЦЕНА НА МЕЛЬНИЦЕ. ГАДАНИЕ

1.

Лес, ночь, гроза. Шум столетних сосен и дубов. Дождь, град, молния. В чаще леса огромный медведь, испуганный близко упавшим громом, вылезает из берлоги, продираясь сквозь валежник, ломает сучья с треском, встает на задние лапы и ревет.

Гроза пронеслась почти мгновенно. Гром все дальше, глуша и, наконец, затихает совсем. Небо яснеет, месяц, пробиваясь сквозь быстролетящие тучи, озаряет лес.

Двое всадников, Борис и Семен⁸ Годуновы, едут по глухой тропе. Подъезжают к мельнице, старому, мшистому срубу с шумящим в запруде колесом. Спешившись, Семен стучит в окно долго, сперва кулаком, потом кнутовищем.

Семен. Мельник, мельник, а мельник! Оглох, старый пес, что ли?

Мельник (приоткрывая оконце). Нет на вас погибели, чертовы дети! Кто такие, откудова? Коли вор, берегись, свистну по башке кистенем, с места не сойдешь!

Семен. Что ты, пьяная харя твоя, протри глаза, аль не видишь, бояре!

Мельник. Что за бояре? Знаем мы вас, шатунов! (Вглядываясь). Что за диво? Батюшки, светики! А я-то, старый дурак, сослепа... Ох, не взыщите, кормильцы. Сейчас, — сейчас, только лапти вздену, да вздую лучину.

Семен помогает Борису спешиться.

Борис. Это он и есть колдун? Семен. Он самый.

Мельник отворяет дверь и выходит на крыльцо, старый-старый, весь белый, как лунь, огромный, косматый, как тот медведь в валежнике.

Мельник (кланяясь князю). Ах, гости мои дорогие, желанные! Вот послал Бог соколов в воронье гнездо! Сбились, чай, с дороги, заплутались? Место наше глухое, лихо по лесу ходит, воровские люди, шатущие, долго ли до греха? Переночуйте, родимые. Тут у меня, как у Христа за пазухой.

Семен. Бери коней. Конюшня-то есть?

Мельник. Нет, батюшки. Да мы их тут, сейчас, за тыном, будут, небось, в сохранности. (Привязав коней). В избу, кормильцы, в избу пожалуйте, не взыщите на бедности!

Входят в большую избу, курную, закоптелую, тускло освещенную воткнутой в светец лучиной. Гости ищут глазами иконы в углу.

Семен. Боги-то где ж у тебя?

Мельник (ухмыляясь). Боги тютю, воры намедни украли! (Усаживая гостей на лавку). Чем потчевать, батюшки?

Семен. Ничего не надо. Мы к тебе за делом, стариk. Будем гадать.

Мельник. Кому же, тебе, ему, аль обоим?

Семен. Нет, не нам, — царю Борису Федоровичу.

Мельник. Да разве он царь?

Семен. Днесъ, наречен, а невдолгѣ будеt и венчанье.

Мельник. Ахти, а я и не знал, вот в какой берлоге живу. Ну, слава Богу, давно бы так! (Подумав). Да как же царю-то без царя гадать?

Семен. Этот боярин — близкий друг царев. Все, что скажешь ему, царю скажешь.

Мельник (пристально вглядываясь в Бориса). То-то, сразу видать, слава царева на нем, как заря на небе красная. (Падая вдруг на колени). Батюшки, родимые, не погубите, помилуйте! Мне ли, смерду, о царе гадать? Коли что ему не по нраву скажу, — ведь прямо под топор на плаху...

Семен. Полно, не бойся, стариk, никто тебя пальцем не тронет. Вот тебе царев гостинец.

Кидает ему мошну. Тот, прижав ее к груди, жадно щупает.

Мельник. Ух, сколько! Весь-то я с мельницей моей того не стою, пошли, Господь, царю здоровья!

Семен. Царь тебя озолотит, только всю правду говори, как перед Богом, а солжешь, лучше бы тебе и на свет не родиться. Ну, живей!

Мельник. Здесь, бояре, нельзя, — надо вниз, к колесу. Да и вдвоем не може. Ты здесь оставайся, а он пойдет со мной.

Семен. Ладно, живей!

Мельник. Мигом, только огонек запалю, да петушка зарежу черного...

Борис (тихо, как будто про себя). Резать не надо!

Мельник (вглядываясь в него еще пристальнее). Как же, батюшка? Без крови нельзя. Всяко дело крепко на крови стоит. Да и те без крови ничего не скажут.

Борис (так же тихо). Ну, ладно, режь, только подальше, чтобы я не слышал.

Мельник. Небось не услышишь, чик по горлу и не пикнет.

Мельник уходит. Ветер опять поднялся. Слышно, как лес шумит. Борис, упервшись локтями в колени, опустил голову и сжал ее ладонями. Черный кот, спрыгнув с печи, ластится к ногам

Семена. Тот отталкивает его ногою: «Брысь». Кот, выгнув спину горбом и ощетинившись, жалобно мяучит. Выйдя из-под лавки, вороненок ковыляет по полу, волоча больное крыло.

Семен (хлопая на него ладонями). Брысь и ты, поганец!

Вороненок хочет взлететь на одном крыле и не может, падает, опять ковыляет, косит на гостей одним глазом, разевает кроваво-красный клюв и каркает.

Семен. Государь, а Государь!

Борис (не поднимая головы). Ну?

Семен. Старый-то плут, кажись, что-то пронюхал, а, может, и раньше знал. Ох, берегись, Государь! Что как не мельник тут главный колдун, а Шуйский? Он тебе наколдует... Я бы этого мельника на первый сук вздернул да всю его чертову мельницу огнем спалил!

Борис. Может, и спалю, но раньше судьбу узнаю.

Семен. Эх, Государь, что узнать? От судьбы не уйдешь, человек в судьбе не волен.

Борис (поднимая голову). Нет, волен, только бы знать, только бы знать! (Прислушиваясь). Что это? Слышишь? Режет!

Семен. Что ты, батюшка, полно! Ветер воет в трубе, аль ржавая петля в дверях визжит. Виши, как всполошился, и меня-то жуть проняла. Ох, Государь, лучше уйдем от греха! Сколько молились, постились, да прямо из святой обители в гнездо бесовское. Грех!

Борис (глядя ему в глаза с усмешкой). Вот чего испугался! Нет, брат, нам с тобой греха бояться, что старой шлюхе краснеть!

Входит Мельник.

Мельник. Готово, боярин, пожалуй!

Борис выходит с ним через низкую дверцу на лестницу, ведущую вниз, где слышен шум, гул жерновов и стук колеса.

2.

Тою же глухой тропинкой, как давеча Годуновы, пробираются два чернеца, Мисайл и Григорий,⁹ с посохами в руках, с тяжелыми за плечами котомками, в облепленных грязью лаптях, насквозь промокшие. Мисайл, лет сорока, низенький, жирный, красный, с веселым, добрым и хитрым лицом; Григорий, лет двадцати, высокий, стройный, ловкий, с некрасивым, но умным лицом, рыжий, голубоглазый. Мисайл чуть ноги волочит, кряхтит и охает; Григорий идет бодро.

Ясное небо, яркий месяц, сильный ветер. Лес шумит, как море.

Григорий. Вот она, мельница!

Подходит к окну, стучит.

Мисаил. Ох, Гришенька, боязно. Мельник-то, слышь, колдун. С чертами водится. Ну, как откроет окно, да такая оттуда харя выглянет, что свет не ввидим!

Григорий. Пусть харя, только б в избу пустил, не ночевать же в лесу!

Опять стучит. Окно приоткрывается.

Семен (изнутри). Кто там?

Григорий. Странники Божьи, иноки смиренные. В лесу заплутались, измаялись. Пусти, Христа ради.

Семен. Не пущу, проваливай!

Григорий и Мисаил (вместе). Дедушка, а дедушка, смиуйся, родной, пусти!

Семен. Сказано, проваливай, пока шкура цела!

Григорий и Мисаил. Хлебца-то, хлебца хоть корочку дай! Господь тебя наградит.

Семен (выставив дуло пистолета в окно). Прочь, сукины дети, чтобы духу вашего здесь не было; — убью!

Окно закрывается. Мисаил, отскочив, присел на корточки.

Григорий (медленно отходя и оглядываясь). А ведь это не мельник!

Мисаил. Кто же такой?

Григорий. Кажется, будто боярин. Кафтан парчовый, кунья шапка и пистоль турецкая с золотой насечкой.

Мисаил. Черт нас морочит, Гришенька, пойдем-ка, пойдем поскорее от греха! (Тащит его за руку).

Григорий. Стой, погоди! Надо mestечко сыскать, где посуше, хоть конуры собачьей, чтобы прикорнуть. А может, и в кладовку лаз найдем, чем-нибудь поживимся.

Крадучись, идут вдоль стен избы и заворачивают за угол. Здесь крутой обрыв. Внизу, у плотины, стучит колесо. Григорий, наклонившись, с кручи смотрит вниз.

Григорий. Видишь, огонь?

Мисаил (крестясь). Матерь Пресвятая Богородица! Да ведь это — они — с рогами, с хвостами, черные, у-у! Скачут, пляшут, свадьбуправляют бесовскую...

Григорий. Дурак! Чего испугался. Видишь, люди. Дым валит от огня и тени ходят по дыму. Двое. Что они делают? Колдуют, что ли? Пойдем-ка, посмотрим.

Мисаил. Что ты, братик миленький! Прямо им в когти...

Григорий. Ладно. Коли трусишь, оставайся здесь, спрячься в

кусты, а я пойду.

Мисаил. Ой, не ходи, Гришенька, светик мой, не губи души своей понапрасну! Они тебя задерут.

Григорий. Ладно, кто кого задерет, еще посмотрим!

Мисаил прячется в кусты. Григорий, цепляясь за ползучие корни и травы, слезает по круче на дно оврага. На той стороне его, у мельничного колеса, навес под соломенной крышей, с невысоким, ветхим, покосившимся тыном из бревен. Григорий влезает к нему и, приложив к щели между бревнами глаз, жадно смотрит.

3.

Мельник под навесом усаживает Бориса лицом к вертящемуся колесу, на сваленные кули с мукой и хлебом.

Мельник. Мягко ли тебе, сынок, покойно ли? Надо, чтобы дрема одолела, — лучше увидишь и услышишь все.

Кидает в огонь сухие травы и коренья. Пламя вспыхивает ярче, гуще валит дым.

Мельник. Глубже, глубже дыши, всею грудью, небось дымок смоляной, травяной, духовитый, слаще ладана, крепче пенника!

Льет на огонь кровь из чашки, капля за каплей. Топчется на месте, быстро семена ногами, подпрыгивая, как на току тетерев.

Мельник.

В колесе моем вода,

В жилах алая руда.

Колесо вертись, вертись!

Было верх, будет низ;

Было нет, будет да;

Что вода, то руда.

Вдруг, обернувшись к Борису и низко наклонившись, уставив на него неподвижный взор, — все так же быстро семена ногами, подпрыгивая, медленно идет на него.

Мельник. В очи мне, в очи смотри; прямо в очи, — вот так.

Взор у Бориса становится таким же неподвижным, как у Мельника. Тот машет руками, однообразно проводит ими по воздуху, как будто ласкает, гладит не его самого, а кого-то над ним.

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни,

Спи, родимый, отдохни!

Мало дитятко ласкаю,

Темный полог опускаю,

Тихо песенку пою,